

В узком, но уютном пространстве помещалась небольшая лежанка, покрытая лоскутным одеялом, и столик, едва вмещающий грудку мотков пряжи, пестрых лоскутков, фактурных ниток и прочего материала. Каждый прикладник вряд ли обходится в работе без подобного творческого «мусора», готового в любой момент воплотиться в оригинальную вещь или многоцветную вышитую картинку.

«*десь всегда тепло и хорошо думается, - продолжила разговор мастерица, - из прошлого всплывают родные лица и картинки из крестьянского детства. Ведь я урожденная сельчанка. Деревня наша и хачи Борского района не была богатой, но для жизни в ней было все необходимое. Был лес с грибами и ягодами, колодцы с родниковой водой, мельница тоже своя. На подворье крестьянских домов всегда было полно всякой живности и птицы.*»

- Пойдите, Валентина Лукинична, да это же сущий «портрет» ваших аппликаций и вышивок: «Мой дом», «Лето в деревне» или коллаж «Деревня Лихачи». Когда же появилось у вас желание попробовать силы в рукоделии, требующем немало воображения, сил и терпения?

«*Сколько помню себя, деревенская жизнь требовала от всех, от мала до велика, умений и навыков во всем. Мастерить своими руками в нашей семье считалось делом естественным. Моя мама была хорошей хозяйкой, а от бабушки она научилась шить. За старание ее любили не только местные, но и щеголихи из соседних сел. Часто приходили состоятельные «модницы» с дорогими тканями. С малолетства себя помню рядом с мамой, собирая лоскутки, мелкие блестящие, яркие ленты, бусинки, пуговицы. По тем временам я обладала настоящими сокровищами, из которых придумывала наряды для своих кукол. Позже, в юности, когда моя семья жила в Нижнем и шла Великая Отечественная война, профессии выбирать не приходилось. Как все молодые и здоровые, я работала для фронта и победы. Приходилось стоять у станка на заводе, трудиться на телефонной станции, где была я секретарем-машинисткой. Любила всякий труд, но больше всего шить для детей и мастерить поделки. Когда же мои два сына обзавелись семьями, да четверо внуков выросли, - смеется Валентина Лукинична, - тогда окунулась я в любимое рукоделие.*»

Словно в народной галерее, в комнате мастерицы все привлекает непохожестью и своеобразием. На верхних полках вдоль стены - стеклянная посуда, расписанная яркими узорами. Это свидетельство одного из этапов творческого увлечения Валентины Лукиничны: «Уж очень хотелось попробовать свои силы в работе с красками!»

Почти треть домашней коллекции В. Л. Багровой занимают куклы. Появившиеся на свет матрешки из так называемого «бросового» лоскута, на первый взгляд, воспринимаются одинаково-несовременными. Казалось, простота и незамысловатость техники изготовления «домашней» куклы и ее атрибутики хранит ощущение торопливости и случайности. Но это лишь на первый взгляд. Он обманчив и исчезает, когда вникаешь в замыслы рукодельницы.

Каждая кукла согласно своему предназначению имеет свои размеры и облик. Куклы - матери, куклы - младенцы, девочки - боярышны, многочисленные деды и бабы, работающие в поле и на подворье, «живут» и воспринимаются в конкретном отведенном для них пространстве.

Вот группа кукол - девиц, созданных из ткани и мочала, в платках, кружевных повязках и пестрых сарафанах, с лукошками в руках отправляются в рожицу. Поодаль от них - забавный мужичок с растрепавшейся на ветру бороденкой. Он грозит пальцем стоящей рядом бабе с младенцем на руках, окруженной ребятишками, один - меньше другого. Другая «мамка» - с охалкой хвороста в руках. Какие знакомые сценки из народной крестьянской жизни!

Совсем иначе представлены куклы-боярышны, молодые купчихи. Здесь другие ткани и более тонкие фигурки. Пышные одежды, светлые шляпки, украшенные цветами и перьями. В «театральной» расстановке этой группы кукол появляется ощущение некоего достоинства и женского кокетства каждой персоны. Черты их лиц либо вышиты, либо рисованы. Одежда повторяет знакомые формы крестьянских рубах, юбок, пестрых и цветных сарафанов, отделанных оборками, кружевом, яркой лентой, на манер деревенских модниц. Все типажные кукольные композиции по сути своей пассивны и условны.

Сценки из мира однотипной кукольной жизни при разглядывании открываются новой привлекательной стороной. Подключая фантазию и воображение, незаметно для себя, вспоминаешь житейские

В природе современного города буйное цветение экзотического дерева китайской розы явление крайне редкое. Каждую весну благоухание от нежных бутонов разносится по всей округе улицы Родионова и мало кого из прохожих оставляет равнодушным. За невысокой изгородью деревянного домика желтеют полураспустившиеся шафраны, отзываются приветливо анютины глазки и нежные маргаритки. Под окном красуются стройные мальвы, а чуть поодаль - кудрявая береза и высокая голубая ель. Эту безмятежную негу и свежесть садово-огородной среды возделывают и оберегают добрые и трудолюбивые руки Валентины Лукиничны Багровой, известной в Нижнем Новгороде самобытной мастерицы.

Небольшого роста, с внимательным взглядом хозяйка дома приветливо подтолкнула меня к крохотным сенцам. Перешагнув через порог комнаты, я увидела настоящую русскую печь. Матушка-печка! - чудо крестьянского быта всегда была почитаема и в доме играла ведущую роль. Кто только не воспевал ее и не отдавал почести ее жару. Тепло ее печных стен наделялось мистическими свойствами исцеления немощных старцев и залпавших в пургу странников. Около них выхаживали скотину в морозной ночи, а притихшие дети тут же, у печного огня, наблюдали за рабочими руками дедов и отцов, перенимая от них навыки ремесла.

Печка в доме Валентины Лукиничны настоящая: с чугунной плитой, поддувалом, конфорками и задвижками на трубе. Она побелена известью и любовно разукрашена ультрамариновыми фантастическими цветами. Как нельзя лучше воспринималась при этом народная поговорка: «Начни от печки».

«Да, именно от печки начиналась моя жизнь в родительском доме, - вспомнила поговорку Валентина Лукинична. А в этом доме простенок между печью и окном давно превратился в мою творческую мастерскую».

Сказочный мир Багровой

Дама

моменты из детства, добрые игры и забавы, в которых кукла-простушка чаще, чем другие игрушки, оказывалась лицом повзрослевшим в детские тайны. Кукла, наделенная свойством всепрощения, нужна ребенку для самоутверждения. Она должна быть всегда «под рукой», чтобы «понять» смену настроения своей «хозяйки» и быть быстро замененной в другой игре.

Валентина Лукинична, соблюдая психологию детской игры, заставляет современных родителей уважать «домашнюю» тряпичную куклу. Несмотря на простоту внешней формы, ее кукла интересна доступностью и всепрощением. На выставках и мастер-классах по изготовлению крестьянской куклы, взрослые и, конечно, дети, разгадывая замысел кукольного сюжета, стремятся быть участниками действия, пытаются трогать и рассматривать, передвигать и разговаривать с матрешкой. Попросту «играть в куклы». Сегодня, как и в прошлом, одухотворенная игрушка из «текстильного лоскута» от В.Л. Багровой, остается востребованной, и детской средой, и коллекционерами ближнего и дальнего зарубежья.

На фоне сельской природы и неторопливого крестьянского быта отдельные его события ложатся в основу наивных и добрых сюжетов, являющихся основой творчества В.Л. Багровой. Ей удалось в вышитых картинах и аппликациях воссоздать мир деревни и ее обитателей.

«Деревня Лихачи» - одна из многих работ Багровой, где яркой нитью обозначено глубокое проникновение в жизнь российский глубинки. Многоплановый коллаж состоит из шести картинок-сюжетов. Все они соответствуют единому замыслу и решены в соответствии условной системе знаков и символов. В каждом мини-изображении тон задает либо цветное пятно плоской аппликации и вышивки, либо объемная форма куклы. Несмотря на кажущуюся неподвижность основных героев картины, условное изобразительное пространство в целом воспринимается как воздух - атмосфера, где неторопливо

Фрагмент ковровой техники

Курица Ряба

протекают дни и события крестьянской жизни. Например, изображения ребенка на крыше или девицы с ведрами, бабы с младенцем или старика, загоняющего корову во двор, в подсознании зрителя «работают» на понимание особенностей сельской среды.

Благодаря знанию быта прошлого, автору удается художественно интерпретировать содержание коллажа и «оживить» статичное полотно. Мастерица достойно решает систему размещения основных акцентов изображения, чередуя объемы и плоскости, цветные пятна и фактуры тканей, наделяя их своеобразной декоративностью. Небольшие по размеру, вышитые цветной нитью картинки в фольклорно-игровом духе отражают уже знакомые бытовые сюжеты.

Воображение и способность Валентины Лукиничны к предметному сочинительству совмещается с текстами крестьянских припевок. Они не только соответствуют содержанию картинок, но и как бы выносят авторскую мысль за пределы вышивки, кукольной композиции или аппликации. Например, такие неприхотливо-бытовые припевки, как:

*«Ну, а женка моя, Нюрка,
с ребятейно мается.
Мал-мала у ней ведь их.
Ох! Как она справляется?»*

*«У меня над головой
кони красны, хвост трубой.
Черны ноги то ли пляшут,
то ли землю мою пашут!» -*

ложатся в основу целой работы или оказываются элементом вышивки. Создается впечатление, что мастерица, выполняя нехитрые гладьевые застывшие, напоминающие детский рисунок, «проигрывает», а точнее «пропевает» их содержание. «Несет Маня воду - коромысло гнется, а за нею Ваня так выюном и вьется», - ведет рассказ картинка, выполненная в голубых жизнерадостных тонах. «Как у наших у ворот стоит девок хороуд», - повествует сценка, выполненная редким застилом в сочетании со стелбчатый швом. «Озвученная» картинка В.Л.Багровой, словно изображение на старинном лубочном листе, раздвигая рамки вышивки, открывает простор для фантазии зрителя.

Немало творческой энергии и художественного чутья отдает Валентина Лукинична особому виду петлеобразной вышивки на холсте, итогом которой оказываются красочные ковры, паласы, настенные панно.

В далекие послевоенные годы Валентина Лукинична впервые увидела паласы, выполненные ковровой иглой в Вильнюсе, куда часто приезжала к родственникам. Приобретенная ею игла, оказалась на редкость удобной и качественной, и вот уже более сорока лет верой и правдой служит мастерице.

Инструмент невелик по размерам и несложен по конструкции. Он представляет собой длинный стержень с полым отверстием, с одной стороны заканчивающимся пластиковой ручкой, а с другой - металлической иглой с двумя овальными отверстиями. Через сквозной полый стержень пропускается объемная нить или пряжа и между отверстиями управляется в иглу. При кажущейся легкости технического метода работы, овладеть им непросто. Необходимо время, терпение и чувство ритма. Вышивание петлеобразными стежками выполняется с обратной «изнаночной» стороны полотна. Чистота готового узора зависит от качества петли, а длина петли регулируется объемом нити. Величина промежутков между проколами иглы связана с ритмикой и графикой узора, который выполняется, по сути, на ощупь и контролируется кончиками пальцев.

В основу картин и ковров подбираются плотные по фактуре ткани, чаще всего таковыми оказываются льняные полотна и разреженные грубые мешковины.

«Просторные» композиции В.Л. Багровой, выполненные в «ковровой» технике, отражают городские мотивы, пейзажи или растительные узоры, в которых преобладают объемные формы и локальный цвет. Ярко-красные «Маки», «Цветы под солнцем», «Подсолнухи» или «Синий виноград» - все это названия работ, не раз побывавших на выставках, запоминаются нижегородцам своеобразной техникой и красотой цветовых решений.

Валентина Лукинична, как в годы молодости, любознательна и отзывчива на малейшие движения души любого, кому не безразличны естественность и «правда» творчества. Ее желание - найти своего ученика. Среди последователей ее ремесла есть разные по возрасту и умениям люди. Но с особым трепетом она относится к молодым, отдающим предпочтение ручному народному творчеству.

И все-таки, за что ценят горожане рукотворное наивное крестьянское творчество Валентины Лукиничны Багровой? Быть может, за то, что в ее картинах и коллажах воспеваются красота природы в светлых и чистых красках, за то, что своими работами мастерица напоминает о любви к жизни, о нехитрых сельских пейзажах с животным миром, сказками, ображенными к добрым и простым людям.

Валентина Дейнеко,
искусствовед